
Философские аспекты международного частного права: природа, сущность и содержание*

© 2020 г. Л.П. Ануфриева

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, 123995, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: lpanufrieva@msal.ru

Поступила 06.10.2019

Международное частное право (МЧП) характеризуется значительным количеством направлений, школ и концепций в теоретическом обосновании. Их возникновение обуславливалось различной степенью влияния на право философии, этики, религиозных течений, а также политических тенденций в развитии общества. Подчеркивая отставание отечественной доктрины в части философского подхода к МЧП, автор анализирует сущность, природу и содержание МЧП, прослеживая его эволюцию в сторону усложнения «исконного» метода регулирования подпадающих под действие его норм общественных отношений – коллизионного регулирования, – который явился исторически первым для рассматриваемой области права. Между тем реальные процессы, происходящие в области международного частного права, свидетельствуют о все больших проявлениях философского «естества» в данном явлении: это и проникновение в коллизионное право далеких от собственно права и юриспруденции «аксиологических» подходов, и активное применение «гибких» коллизионных привязок для целей определения применимого права, и поиски «наиболее благоприятного права» или оценки результатов выбора права с помощью «консеквенциальных» и т.п. теорий.

Ключевые слова: международное частное право, философия, природа, этика, естественно-правовые и позитивистские концепции, коллизии законов, сравнительное правоведение, правопонимание, коллизионное регулирование, консеквенциальный подход, применимое право.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–52–63

Цитирование: Ануфриева Л.П. Философские аспекты международного частного права: природа, сущность и содержание // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 52–63.

* Статья Л.П. Ануфриевой подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–011–01060 А.

Philosophical Aspects of Private International Law: Nature, Concept and Substance

© 2020 Liudmila P. Anufrieva*

*International Law Department, Kutafin Moscow State University of Law (MSAL),
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation.*

E-mail: lpanufrieva@msal.ru

Received 06.10.2019

Private International Law (PIL) is characterized by a large spectrum of thoughts, schools and concepts in its substantiation. Their appearance is explained by different extent of influence on law of philosophy, ethics, religious and political trends in social development. Pointing out the backwardness of domestic doctrine in philosophical approach to Private International Law, the author analyzes the essence, nature and content of PIL, envisaging its evolution towards more and more complicated “natively immune” method of regulation, namely the conflict of laws method, which was historically the first one for this field of law. Meanwhile, the factual processes having occurred in Private International Law are making more and more evident philosophical “essence” of phenomenon under consideration: these are penetration of “axiological” approach into conflict of laws regulation, intensive application of “flexible” principles for the purposes of determining the applicable law, and the quest for the “most favourable law” or evaluation of the choice of law by using “consequentialism” theories, etc.

Keywords: private international law, philosophy, nature, ethics, natural and positive law concepts, comparative law, conflicts of laws, legal understanding, choice-of-law method, consequential theory, applicable law.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–52–63

Citation: Anufrieva Liudmila P. (2019) “Philosophical Aspects of Private International Law: Nature, Concept and Substance”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2020), pp. 52–63.

В отечественной юридической литературе обращение к философии вообще и философии права в частности встречается не так часто. Тем большего внимания заслуживают суждения тех ученых-юристов, кто когда-либо задумывался над вопросом о значении философии для правовой науки. В своей работе «Размышления о праве» О.С. Иоффе отмечал: «Многие проблемы права носят философский характер, и потому их разрешение в юриспруденции невозможно без опоры на философию. Например, для ответственности за наступивший результат он должен быть причинен неправомерным поведением, то есть необходима причинная связь между этим поведением и возникшим результатом. Во многих случаях наличие такой связи очевидно и констатируется легко... Но иногда ситуация настолько осложнена, что без философского осмысления правильно оценить ее невозможно» [Иоффе 2002, 12].

Думается, не будет искажением или преувеличением сказать, что философские аспекты права, предназначенного для регулирования внутренних общественных отношений, то есть таких, которые не выходят за рамки одного государства, одного право-

* The article is commissioned by L.P. Anufrieva under financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the Project No. 18–011–01060 A.

порядка или одной экономической системы, могут оказаться сложными, но все же разрешимыми с меньшими трудностями, нежели то, что связано с упорядочением международных отношений, и конкретно с международным частным правом¹. Правы современные российские юристы-международники, когда утверждают, что «сильная сторона международного права заключается в том, что оно в целом стоит ближе к морали, чем внутригосударственное право» [Черниченко 2008, 23]; что международному праву свойственна глобальная открытость его принципов, способствующая декларированию международно-правовых норм, соответствующих морали [Вельяминов 2015].

Философия права – это часть философии как таковой, однако философию международного частного права в отечественном правоведении не только никогда не рассматривали в качестве необходимой составляющей его надлежащего познания и тем более конструирования, но, судя по отсутствию работ этого направления, вообще не задумывались о восприимчивости его с подобного ракурса. В противовес этому нельзя не заметить, что западная юриспруденция, отдавая должное философскому подходу, может непосредственно похвастаться своим вкладом в философский фундамент науки международного частного права. В то же время отмеченное безусловное отставание отечественной науки МЧП имеет своим фоном серьезный успех той части правоведения, которая является традиционно смежной и связанной с ним. Речь идет о науке международного права. Для сравнения стоит упомянуть, что в области международного публичного права современная зарубежная и российская доктрина весьма активно откликается на общие и частные моменты, связанные с необходимостью учета или использования подходов, которые основаны на методологии философской науки².

Что же касается МЧП, то сейчас трудно представить себе выдвигание и становление основных современных его положений без работы В. Гольдшмидта «Система и философия международного частного права» [Goldschmidt 1949 II]; [Goldschmidt 1960 I] и тем более без обстоятельного труда французского специалиста А. Батиффоля «Философские аспекты международного частного права», 1-е издание которого выпущено в свет в 1956 г. [Batiffol 2002].

В нынешней действительности взгляд на философию как сугубо академическую сферу, далекую от «правды жизни» и не пригодную для целей решения каких-либо практических проблем правотворчества и правоприменения³, является традиционным и даже привычным. Но коренные вопросы права не могут оставаться без внимания ученых-юристов, вследствие чего в рамках отечественной общей теории права всего лишь за период последних десятилетий XX – начала XXI вв. подготовлен и опубликован довольно обширный список работ, посвященных только одному предмету – сущности права⁴. Однако примечательно, что ни в одном из трудов анализ сущности права и правопонимания не происходил с учетом существования международного или международного частного права⁵.

Вместе с тем было бы неправильным полное отрицание заслуг российских исследователей, среди которых существуют специалисты, задумавшиеся над философскими проблемами, так или иначе лежащими в плоскости международного частного права (в их числе, пожалуй, важнейшей является взаимодействие правовых систем [Рубанов 1984; Рубанов 1982, 110–125; Ануфриева 2002]. В последующем к вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем было привлечено внимание В.В. Гавриловым [Гаврилов 2006] и др.), но массивный разворот отечественной науки в сторону философии международного частного права все же не был произведен. Не будет выглядеть преувеличением даже более жесткая констатация: пока сколь-нибудь заметное приближение к переводу в философскую плоскость анализа международного частного права, тенденций в его развитии и эволюции используемых им методов регулирования не имеет места. К тому же, если говорить о взаимодействии международного частного права с международным правом или отраслями внутригосударственного права, что, конечно же, имеет место в действительности, то это, скорее, «внешний» круг философской проблематики применительно к МЧП, то есть осознание того, как выглядит МЧП извне и вовне, но не отражение внутренней

его сущности. Правда, и западные авторы сетуют на то, что философское значение МЧП долгое время, вплоть до середины XX в., не становилось предметом комплексного исследования [Batiffol 2002]. Причины, по их мнению, заключались в том, что до середины XIX в. ученые были заняты больше тем, как с точки зрения позитивного права квалифицировать разрешение конфликтов законов, нежели конструированием и обоснованием систем и представлений, их объясняющих [Ibid.].

Однако утверждения об отсутствии разработок по философии международного частного права «в новое время» в качестве отдельной научной проблемы не должны восприниматься как игнорирование вообще на всем протяжении МЧП фактов успешного философского постижения сути, главных инструментов последнего и, наконец, попыток решения узловых проблем в регулировании особых общественных отношений посредством норм, методов и отдельных специфических инструментов МЧП. Недооценка философской значимости различных направлений в осмыслении разрешения конфликтов законов в МЧП в позитивно-правовом плане вряд ли плодотворна. В частности, что, как не философское начало, представляют собой поиски соответствующих коллизионных привязок и аргументация найденных решений итальянскими, французскими и голландскими статутариями в средние и позднейшие века? Разве не философский подход лежит в основе зародившихся во французской доктрине теорий «автономии воли» и разграничения статутов на «реальные», «личные» и «смешанные» в концепциях Дюмулена (Carolus Molinaeus) и его ученика д'Аржантрэ (Argentraeus)? Едва ли можно отрицать такой же подход и в учении Карла фон Савиньи [Savigny 1851, 8], исходной точкой которого служил тезис, что для каждого отношения необходимо найти «правопорядок, наиболее соответствующий природе данного отношения», определить «оседлость» (Sitz) отношения, подлежащего прикреплению к соответствующему правопорядку, и т.п. Следовательно, и сегодня закономерно ставить задачу дальнейшего продвижения вперед международного частного права в его познании, объяснении и совершенствовании с помощью философии и ее основных категорий с учетом современных требований жизни на основе, однако, предшествующих научных достижений.

Непременность того, что именно философская наука дает прежде всего ответы на вопросы-антитезы о «сущем и должном», «данности и ценности», «материальном и идеальном», о формах бытия, сущности и т.п., очевидна. *Философия права* в свою очередь закономерно стремилась объяснить его суть, смысл и цель, равно как и саму идею права и правовой действительности, посредством «ценностного» подхода и аксиологических оценок. С их помощью в античности, например, право причислялось к царству ценностей⁶ или отстаивалось видение в нем субстанциального ядра вещей материального мира [Радбрух 2004, 16]. По признанию специалистов, благодаря философским воззрениям в отношении бытия право виделось во второй половине XIX в. и на его рубеже с XX в., к примеру, в России как «логическая взаимосвязь» естественного и положительного права. При этом в рамках русской философско-правовой теоретической мысли В.С. Соловьевым, Б.Н. Чичериным, П.И. Новгородцевым и др. под сильным влиянием религиозного мировоззрения естественное право рассматривалось как *идеальное основание бытия права* [Ивашевский 2007, 110]. «Рациональная сущность права, – писал В.С. Соловьев, – различается от его исторического явления, или права положительного. В этом смысле естественное право есть та общая алгебраическая формула, под которую история подставляет различные действительные величины положительного права. При этом само собой разумеется, что эта формула (как и всякая другая) в своей отдельности есть лишь отвлечение ума, в действительности же существует лишь как общее идеальное условие всех положительных идеальных отношений, в них и через них» [Соловьев 1990, 98].

П.И. Новгородцев, подчеркивая роль естественно-правового начала в подходах к пониманию права, констатировал, что юриспруденция использует понятие «право» исключительно по отношению к нормам положительным. Идеальные же требования не представляют собой права в строгом смысле слова, а являют собой лишь проекты будущего права. Но это не умаляет их значимости. Естественное право как идеал для

положительного, как требование его реформы есть исконное проявление философской мысли, есть сама философия права [Новгородцев 1914, 110–112].

С позиций гегелевских концепций философии права, естественное право есть единство бытия и долженствования. Естественное право, по мысли Гегеля, имеет задачу познать суть положительного права, чтобы найти в нем проявление объективного разума, идеальную основу положительного права. Естественное право не противопоставляется положительному, а составляет его идеальную сущность, вечную основу и вместе с тем фактор всего исторического развития [Керимов (ред.) 1998, 238]. В свою очередь А. Шопенгауэр, наоборот, был более близок идеям не только разграничения, но и противопоставления «естественного» и «положительного» права: он усматривал, например, в сущности международного права «не что иное, как право естественное, сохранившее здесь, то есть между одним народом и другим, единственную силу своей практической действительности: только в этой области может оно распоряжаться, потому что его более мощный сын, право положительное, нуждающееся в суде и исполнителе, не может приобрести себе здесь обязательной и реальной силы» [Шопенгауэр 1997, 157].

Современные оценки в том, что касается значения школы естественного права, настойчиво выделяют в ней основы для формулирования таких его ценностных характеристик, которые важны прежде всего с точки зрения служения и подчиненности права интересам человека. «Естественное право, – указывает С.Л. Ивашевский, – представлялось в виде системы общих юридических норм, вытекающих из человеческого разума и долженствующих служить мерилom и руководством для положительного законодательства» [Ивашевский 2007, 110]. При этом уточнялось: сама идея права возможна только при условии признания того, что человек есть носитель безусловной ценности – абсолюта, который ведет, ориентирует его во всех сферах жизни. В то же время, поскольку правовая сфера обладает лишь относительной самостоятельностью по отношению к социальному целому, «искать сущность права вне социума, как и пытаться отгородить его от других социальных явлений, – занятие бессмысленное». См. [Честнов и др. 2004, 10]. Таким образом, заострение внимания лишь на одной стороне анализируемого предмета (коиными в данном случае являются естественно-правовые концепции) – роли и значимости человека как ценности права, возведения ее в абсолюта, в принципе способствовало их реанимированию в современную эпоху, особенно в условиях пост-тоталитарного этапа общества, но не могло считаться исчерпанием действительной сути права.

Указание на подобную неполноту, как представляется, содержится и в высказываниях ряда специалистов в области философии права. В частности, характеризуя естественно-правовое учение, Н. Неновски пишет: «Оно обособило необходимость оценочного подхода к действующему праву и направило внимание на поиски критерия оценки права вне самого права и вне государства как организации, обладающей функциями в области правотворчества и правоприменения» [Неновски 1987, 235]. В небольшой степени такой подход звучал, думается, как некий вызов прошлому, своего рода реакция на бытовавшее в социалистических странах в течение десятилетий тотальное «огосударствление» всего и вся.

Как бы там ни было, но в свете сказанного возникает резонный вопрос: применимо ли все это и насколько к международному частному праву? Наверное, было бы по меньшей мере легкомысленным дать утвердительный либо отрицательный ответ, базируясь на том лишь постулате, что-де МЧП – это тоже право, следовательно, все, что свойственно праву вообще, должно быть присуще и международному частному праву. Ответ на вопрос о философской сущности и способности естественно-правовых идей наполнять содержанием наряду с прочим и МЧП не лежит на поверхности ввиду неоднозначности природы последнего. Да и нельзя получить его в трудах наших теоретиков права, потому что никто и никогда не разрабатывал этого аспекта предметно и скрупулезно в отношении МЧП. Тем не менее по результатам анализа тенденций развития норм коллизионного регулирования в ходе предшествующего периода, равно как и в современном международном частном праве, безусловно следует признать, что отдельные факторы, подтверждающие не просто наличие, но существенное влияние

указанных идей, присутствуют и здесь. При этом, думается, для МЧП особенно важен упомянутый выше тезис об обусловленности права социумом, условиями, действовавшими в нем и т.п., так как первоначально МЧП развивалось в рамках, может быть, не вполне структурированных государственно-правовых общностей, но на любых своих этапах имело задачей содействие их общению в торгово-хозяйственных областях.

Нельзя не подчеркнуть, что идеи справедливости, в значительной мере формирующие ядро естественно-правовых теорий, особенно в нынешнюю эпоху «возрожденного» естественного права⁷, не должны переоцениваться по сравнению с другими подходами к обоснованию сущности международного частного права. В частности, известно, что важным мерилom в течениях итальянских статутариев служили принципы «справедливости» и «природы вещей», предлагавшиеся в качестве фундамента разрешения коллизий законов. См. [Lainé 1888 I, 111–115, 267; Мандельштам 1900, 37]. Однако они не смогли дать ответы на множество насущных вопросов теории и практики МЧП, хотя и выступили, даже по самым скромным их оценкам, необходимой платформой для очерчивания направления дальнейшей его поступи.

Проявление воздействия естественно-правовых концепций на МЧП разнопланово. Это прежде всего объяснение решения конфликтов законов посредством концепции автономии воли сторон⁸ с малоизвестными, кстати, фактами развития основных ее идей со стороны французских юристов, таких, как, например, Гюи Кокий (Guy Coquille, 1523–1603 гг.), который утверждал, что, если законы имеют в виду непосредственно благо и честь лиц (*le bien et l'honneur des personnes*), они связывают их волю повсюду (*enserrent la volonté*) (цит. по: [Мандельштам 1900, 36]).

Кроме того, следует указать на расширение применения личного закона частного-правовых субъектов за счет включения в сферу его действия не только личных неимущественных, но и личных имущественных отношений, особенно в области наследования, когда постулат римского права о единстве наследства выразился в утверждении соответственно и личного закона наследодателя как единого наследственного статута. Указанное опирается на тезис поддержания и защиты «известного семейного или наследственного порядка», а вовсе не цели «повредить кому-либо, и это главное намерение должно быть осуществлено всюду» (*Saliceto 1574*) (цит. по: [Там же, 21, 23–24]). То обстоятельство, что многие из приведенных идей были присущи, как видно, еще воззрениям римских юристов и позднейших комментаторов римского права, не может само по себе служить препятствием для возможностей обращения к ним и в современных условиях, с требующимися *mutatis mutandis* изменениями при их воспроизведении.

Наконец, в рамках отхода от жестких коллизионных норм и использования в настоящее время в этих целях гибких коллизионных привязок⁹ получает все большее признание и действительное закрепление выбор права, оперирующий именно аксиологическими оценками – «право, наиболее благоприятное для потерпевшего», «право страны проживания лица, находящегося под опекой (попечительством), если оно более благоприятно для этого лица» (ст. 1210 Модели гражданского кодекса для стран СНГ); «право, наиболее благоприятное для опекаемого лица» (ст. 1199 ГК РФ), «право, которое имеет тесную связь с отношениями и является более благоприятным для ребенка» (ст. 66 Закона о международном частном праве Украины» 2005 г.) и т.п. При этом на первый план выступает анализ материально-правовых норм правопорядков соответствующих государств, что ведет к явлению, именуемому в МЧП «материализация» коллизионных норм¹⁰, и в целом, как это констатируется в литературе, к изменениям содержания коллизионного регулирования. См. [Кабатова 2000, 5–16; Жильцов 1998]. Следовательно, перечисленное неуклонно свидетельствует о перемещении акцентов в правовой регламентации к интересам индивидуума – человека – и в сфере международных отношений частного-правового характера. Это происходит, как видно, за счет обращения к присущим МЧП специфическим средствам и в необходимых случаях их варьирования. Характеризуя содержание проанализированных выше формул прикрепления, оперирующих «наиболее благоприятным правом», невозможно обойтись без акцента на такой категории права, этики и философии, как *интерес*, которая

так или иначе составляет их суть, в частности, на понятии интереса в праве, и конкретно – интереса в МЧП. В этой связи надо отметить, что в современной философии и теориях международного частного права феномен «интерес» завоевал себе небывало значительное место: это и конструкция «государственного интереса» Б. Карри¹¹, и «принципы предпочтения» Д. Кейверса [Cavers 1965], и другие концепции из тех, что были упомянуты ранее. К этому же разряду современных приемов и способов регулирования в МЧП, имеющих, кстати, глубокие философские корни, относится «консеквенциальный подход» к выбору применимого права, который получил распространение в МЧП благодаря укоренению в западной, точнее в американской, юриспруденции концепций так называемой «дистрибутивной» в противовес «коррективной» юстиции [Tetley 1999, 237]. Отчасти он выступает противоположной разновидностью отыскания применимого права по формуле наибольшего благоприятствования, особенно если трактовать последнюю через призму интересов лица (физического или юридического). «Консеквенциальный подход», или «теория сравнения ущерба» (comparative impairment theory), предложенная У. Бакстером, заключает в себе опору на большую значимость интересов «общества» (государства). Суть теории состоит в беспристрастном взвешивании коллизирующих в правоотношении интересов штатов (государств) и применении права того штата (государства), интересам которого был бы нанесен наиболее серьезный ущерб не только в правовой, но и в экономической и других сферах, если бы его право не было применено судом [Baxter 1963, 1–42]. При этом правоприменитель не только оценивает интересы, связанные с применением той или иной нормы иностранного права, но и учитывает запреты на их реализацию. Помимо этого, в случае применения принципа консеквенциализма предметом выбора применимого права выступают последствия, которые он производит в отношении интересов и благ, отраженных в противоречивых законах [Шулаков 2014, 100–108].

В религиозно-философском смысле консеквенциализм (от лат. «consequentia» – следствие, следствие) есть учение в рамках христианского богословия, вобравшее в себя аристотелевскую этику, и означает, что оценку действия или акта следует обсуждать исключительно по его последствиям. В юридическом плане теория консеквенциализма, согласно воззрениям У. Бакстера, в преломлении к МЧП заключается в «сравнении ущерба» по критерию последствий для национально-правовых систем и прежде всего национального права страны суда от того или иного выбора применимого права.

«Принцип консеквенциализма» получил легальное закрепление, будучи отраженным в книге IV Гражданского кодекса штата Луизиана, разработчиком которой выступил С. Симеонидес [Symeonides 2006; Symeonides 2009, 83], известный американский специалист в сфере МЧП и компаративистики (коллизинист, президент Американского общества сравнительного правоведения, профессор юридического колледжа Вилламеттского университета, штата Орегон): «...любой вопрос в деле, имеющем связи с другими штатами, регулируется правом штата, устремлениям которого был бы нанесен наиболее серьезный ущерб, если бы его право не было применено к этому вопросу. Этот штат определяется посредством оценивания силы и уместности, имеющих отношение к делу устремлений всех вовлеченных штатов в свете: (1) отношений каждого штата со сторонами и спором; (2) устремлений и нужд межштатных и международных систем, включая устремления поддержать законные ожидания сторон и минимизировать неблагоприятные последствия, которые могут следовать из подчинения стороны праву более чем одного штата» [Жильцов, Муранов (ред.) 2001, 541]. Как главное коллизийное начало рассматриваемый принцип, помимо Титула I «Общие положения» (ст. 3515), закреплен также в Титуле II «Статус» (ст. 3519 «Статус физического лица; общий принцип»), в Титуле VI «Договорные обязательства» (ст. 3537 «Общее правило» и ст. 3540 «Автономия воли») и в Титуле VII «Деликтные и квазиделиктные обязательства» (ст. 3542 «Общее правило»). Этот же критерий ограничивает в ст. 3540 и возможность для сторон договора избрать применимое право. В итоге вывод о том, что консеквенциальная методология в международном частном праве не только ограничивает автономию воли сторон, но и одновременно аккумулирует в себе еще и обе оговорки

о публичном порядке (собственно оговорку о публичном порядке и институт «сверхимперативных норм»), который присутствует в новейшей российской литературе [Шулаков 2014, 100], имеет не только доктринальное, но и практическое значение. При этом стоит подчеркнуть, что автономия воли сторон выступает как «несущая конструкция» всего МЧП, и тем самым любое ее ограничение выглядит принципиальным, а «оговорка о публичном порядке» представляет собой юридический инструмент защиты национальной правовой системы и правопорядка в целом в обоих случаях ее концептуального выражения – будь то в негативной или позитивной конструкциях.

Если, по замечанию Г. Гегеля, «философская наука о праве имеет своим предметом идею права, понятие права и его осуществление» [Гегель 1990, 59], то проникновение с ее помощью в суть международного частного права тем более важно, что в течение длительного времени не прекращаются дискуссии о его природе, особенностях, отличиях от других нормативных образований и месте в юридической системе. В рамках одной статьи, разумеется, невозможно с должной полнотой охватить все существенные грани МЧП с позиций философского подхода – его бытие, цели, ценностные (аксиологические) параметры, «сущее» и «должное», идейное и действительное и т.п., то есть именно то, что выступает ключевым для подобного рассмотрения любого явления. Для начала представляется необходимым выделить главное: его цели, идейную основу и ценность, содействующие в конечном счете пониманию существа данного явления и объясняющие в известной мере некоторые его особенности. Это составляет предмет для дальнейших исследований.

Примечания

¹ При том, что непосредственно проблемы философских аспектов международного частного права в советском правоведении фактически не ставились, современная российская юриспруденция все же не отрицает их, см. [Толстых 2006, 98; Шулаков 2014, 100–108], а в некоторых случаях приблизилась к их разработке – [Семякин 2013, 56–65; Ануфриева 2009, 271–290].

² Здесь уместно упомянуть, что к вопросам философии международного права в отечественной доктрине прикоснулось несколько авторов, а именно: С.В. Черниченко (см., например, его серию очерков по философии и международному праву): [Черниченко 2002; Черниченко 2003; Черниченко 2004; Черниченко 2006; Черниченко 2008; Каламкарян 2006; Кузьмин 2007 web]. Новейшей публикацией в этом отношении выступает раздел 3 «Ренессанс отечественной свободной философии (Размышления по поводу книги С.В. Черниченко «Очерки по философии и международному праву»)» в работе Г.М. Вельяминова – см. [Вельяминов 2015]. На этом фоне зарубежная доктрина в части философии МЧП не выглядит намного опережающей. См. [Tesón 1998; Tesón 2005; Beitz 1999; Charney 1993; Tomuschat 1993; Simma 1994; Besson & Tasioulas, eds., 2010].

³ Здесь стоит напомнить о прямо противоположном – бывали «великие времена», когда, по высказыванию немецкого исследователя философии права конца XIX – первой половины XX в. Густава Радбруха, «философия права была призвана служить жизни в качестве инструмента обоснования или разъяснения целей мощных политических движений» [Радбрух 2004, 37].

⁴ Хотя еще в конце 70 гг. – то есть до объявления перестройки в СССР, – в юридических научных кругах состоялась дискуссия о новом правопонимании, в рамках чего главным оказался вопрос о различении права и закона, когда, конечно же, нельзя было обойтись без обращения к сущности права (см. О понимании советского права (круглый стол) // Советское государство и право. 1979. № 7, 8), все же крупные специальные работы в «споре о праве», продолжающемся и поныне, появились именно в период «перестроечных» 80-х гг. – см. [Явич 1985]. Осмысление права с философских позиций происходило в общей теории права и в дальнейшем – [Нерсесянц 1992; Мальцев 1999; Байтин 2001; Лейст 2002; Скоробогатов 2015, 9–13].

⁵ Несмотря на то что имеются случаи, когда отдельные авторы указывают на расхождения в правопонимании в зависимости от обусловленности доктринальных позиций принадлежностью к той или иной правовой системе, в целом они не касаются особенностей ни международного, ни международного частного права. Так, А.В. Скоробогатов, например, пишет: «...Если для англо-американского типа характерно восприятие права как совокупности правил, созданных *обществом или субъектами* (выделено мною. – Л.А.), получившими от него санкцию на легальное правотворчество, то в континентально-европейском типе право рассматривается как система общеобязательных, формально определенных правил поведения, установленных или санкционированных государством и обеспеченных мерами государственного принуждения» [Скоробогатов 2015, 9]. Само

собой разумеется, что упоминание в цитируемом фрагменте о возможности создания права самими субъектами никоим образом не подразумевало специфического метода и результатов нормообразования, свойственных системе международного права.

⁶ Подобный подход не чужд и современной философской мысли. Так, именно через призму ценностей рассматривает право болгарский автор Н. Неновски. Он подчеркивает, что без ценностного подхода нельзя выявить подлинную роль права в социокультурном прогрессе, во всей полноте уяснить преобразующее значение правового сознания, чисто человеческие, личностные аспекты права. Ценностными критериями в сфере права выступают его идеалы, в основе которых лежат определенные общественные потребности, интересы – [Неновски 1987, 13, 235].

⁷ См. в этой связи: [Четвернин 1988; Нерсесянц (ред.) 2004; Нерсесянц 1997].

⁸ В данном случае нет возможности детально останавливаться на некоторых, хотя и серьезных, но относящихся к другим сторонам явления автономии воли, дискуссионных вопросах, как, например, основания, цели, функции и значение этого института в МЧП – стоит лишь упомянуть о некоторых современных позициях в этом плане. Если А.Л. Маковский видел в нем цель предотвращения коллизии законов (см. [Иванов, Маковский 1984, 26]), то А.А. Рубанов квалифицировал его отнюдь не как коллизионный принцип, а как особый, специфический институт международного частного права, в котором проявляется обратное влияние общественных отношений на право – см. [Рубанов 1984, 13–106]. Этот взгляд заслуживает всемерной поддержки. Ближе всех к естественно-правовой школе МЧП и автономии воли, думается, подошел французский автор А. Батиффоль, полагавший, что автономия воли представляет собой инструмент, который законодатель передает в руки частных лиц в той сфере, где их интересы являются доминирующими, с целью исправить несовершенство коллизионной нормы или неопределенность принципа тесной связи [Batiffol, Lagarde 1993, 451].

⁹ Например, ныне весьма распространена привязка «наиболее тесной связи». Так, если согласно жесткому принципу, закрепленному в п. 1 ст. 1094 ГК Республики Казахстан, «личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет», то в силу гибкого подхода «при наличии у лица двух или более гражданств личным законом считается право страны, с которой лицо наиболее тесно связано».

¹⁰ В зависимости от теоретической основы насчитывается несколько подходов, определяющих это явление в рамках метода разрешения коллизий: отдельные концепции или принципы (comity или территориальность – Дж. Стори); «приобретенные права» – Дж. Бил; «учет государственных интересов» – Б. Карри; «политика предпочтения» – Д. Кейверс; «функциональный анализ» – А.Т. фон Мерен и Р. Дж. Траутман; «наилучшее право», «наиболее благоприятное право» – Р.А. Лейфлар и Л.Л. МакДугал-III; «множественная справедливость» – Ф.К. Джуэнгер и др.: – см. [Tetley 1999, 299–373]. На русском языке подробнее о материализации коллизионных норм см. [Толстых 2004, 156–157, 164–168, 237–238].

¹¹ Так, государство, принимая закон, имеет интерес в его применении для реализации заложенных в нем целей. При этом указанный интерес является не односторонним желанием государства в применении собственного права, а результатом оценки судьи разумности такого желания в свете фактических обстоятельств. Иными словами, в соответствии с подходом Б. Карри наличие интереса обуславливается политикой, проводимой государством, а также надлежащей связью между государством, о политике которого идет речь, и сделкой, сторонами или судебным разбирательством [Плеханов 2010, 302].

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Гегель 1990 – Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990 (Hegel, G. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*, Russian translation).

Иванов, Маковский 1984 – Иванов Г.Г., Маковский А.Л. Международное частное морское право. М.: Наука, 1984 (Ivanov, G.G., Macovksky, A.L. *Private International Maritime Law*, in Russian).

Мандельштам 1900 – Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Т. I. СПб., 1900 (Mandelschtam, A.N. *The Hague Conferences on Codification of Private International Law*, in Russian).

Неновски 1987 – Неновски Н. Право и ценности / Пер. с болг. М.: Прогресс, 1987 (Nenovsky N. *Law and Values*, Russian translation).

Новгородцев 1914 – Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XIX вв. 3-е изд. М., 1914. С. 110–112 (Novgorodtsev, P.I. *Lectures on the History of Philosophy of Law. Doctrines of the New Time. XVI–XIX Centuries*, in Russian).

Рубанов 1982 – Рубанов А.А. Международное право и сосуществование национальных правовых систем // Советский международное право. 1981. М.: Наука, 1982. С. 110–125 (Rubanov, A.A. *International Law and Co-Existence of National Legal Systems*, in Russian).

Рубанов 1984 – Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М.: Наука, 1984 (Rubanov, A.A. *Theoretical Grounds of International Interplay between National Legal Systems*, in Russian).

Соловьев 1990 – Соловьев В.С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990 (Solovuev, V.S. *Law and Morality*, in Russian).

Четвернин 1988 – Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988 (Tchetvernin, V.A. *Modern Concepts of Natural Law*, Nauka, Moscow (in Russian)).

Шопенгауэр 1997 – Шопенгауэр А. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1997 (Shopenhauer A. *Die Welt als Wille und Vorstellung*. II. XLVII, Russian translation).

Явич 1985 – Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985 (Yavitch L.S. *Essence of Law. Social and Philosophical Understanding of Genesis, Evolution and Functioning of Legal Forms of Social Relationships*, in Russian).

Primary Sources

Baxter, William (1963) “Choice of Law and the Federal System”, *Stanford Law Review*, Vol. 16, No. 1, pp. 1–42.

Cavers, David (1965) *The Choice-of-Law Process*, Ann Arbor, University of Michigan Press.

Goldschmidt, Werner (1949) *Systema y Filosofia del Derecho internacional Privado con especial consideración del Derecho Internacional Privado Español*, T. II, Bosch, Barcelona.

Goldschmidt, Werner (1960) “Jacque Maury et les aspects philosophiques de droit international privé”, *Mélanges offerts à Jacque Maury*, T. 1, Dalloz, Paris.

Lainé M. Armand (1888) *Introduction au droit international privé*, T. I, Pichon, Paris.

Savigny, Friedrich Carl von (1851) *Traité de droit romain*, Traduit par Ch. Guénoux, T. VIII, Paris.

Ссылки – References in Russian

Ануфриева 2002 – Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002.

Ануфриева 2009 – Ануфриева Л.П. Философия международного частного права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век. Материалы конференции в честь профессора Л.Н. Галенской / Под ред. С.В. Бахина. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 271–290.

Байтин 2001 – Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001.

Вельяминов 2015 – Вельяминов Г.М. Международное право: Опыт. М.: Статут, 2015.

Гаврилов 2006 – Гаврилов В.В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Казань.

Жильцов 1998 – Жильцов А.Н. Применимое право в международном коммерческом арбитраже (императивные нормы). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

Жильцов, Муранов (ред.) 2001 – Жильцов А.Н., Муранов А.И. Международное частное право: Иностранное законодательство / Предисл. А.Л. Маковского; сост. и науч. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут, 2001.

Ивашевский 2007 – Ивашевский С.Л. Идеальная сущность права: постановка проблемы // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 108–114.

Иоффе 2002 – Иоффе О.С. Размышления о праве. Астана: Институт законодательства РК, 2002.

Кабатова 2000 – Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве // Международное частное право: современная практика. Сб. ст. / Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Светланова. М.: ТОН – Остожье, 2000. С. 5–16.

Каламкарян 2006 – Каламкарян Р.А. Философия международного права. М.: Наука, 2006.

Керимов (ред.) 1998 – История философии права / Под ред. Д.А. Керимова. СПб., 1998.

Кузьмин 2007 web – Кузьмин Э.Л. Международное право на распутье // Международная жизнь. 2007. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1657>

Лейст 2002 – Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002.

Мальцев 1999 – Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999.

Нерсесянц 1992 – Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М.: Рос. право, 1992.

Нерсесянц 1997 – Нерсесянц В.С. Философия права. М.: ИНФРА-М: Норма, 1997.

Нерсесянц (ред.) 2004 – Проблемы общей теории права и государства (учебник для вузов) / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004.

Плеханов 2010 – Плеханов В.В. История американцев. Рецензия на книгу С. Симеонидеса “The American Choice-of-Law Revolution: Past, Present and Future” // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 1. С. 298–311.

Радбрух 2004 – Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2004.

Семякин 2013 – Семякин М.Н. Философская рефлексия гражданского (частного) права: продолжение старых традиций или новый цивилистический концепт? // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 56–65.

Скоробогатов 2015 – Скоробогатов А.В. Правопонимание как философско-правовая категория // История государства и права. 2015. № 7. С. 9–13.

Толстых 2004 – Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

Толстых 2006 – Толстых В.Л. Нормы иностранного права в МЧП РФ. М.: Междунар. Отношения, 2006.

Черниченко 2002 – Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. Очерк первый. Вопросы онтологии. М., 2002.

Черниченко 2003 – Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. Очерк второй. Вопросы этики и эстетики. М., 2003.

Черниченко 2004 – Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. Очерк третий. Вопросы гносеологии и аксиологии. М., 2004.

Черниченко 2006 – Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. Очерк четвертый. Вопросы философии общества, государства и права. М., 2006.

Черниченко 2008 – Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. Очерк пятый. Философия международного права. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2008.

Честнов 2004 – Честнов И.Л. и др. Право и общество: от конфликта к консенсусу: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., 2004.

Шулаков 2014 – Шулаков А.А. Консеквенциальный метод в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 1. С. 100–108.

References

Anufrieva, Liudmila P. (2002) *Correlation between Public and Private International Law: Legal Notions*, Spark, Moscow (in Russian).

Anufrieva, Liudmila P. (2009) “Philosophy of Private International Law”, *International Relations and Law: A Look into XXI Century*, SPBU, Saint Petersburg, pp. 271–290 (in Russian).

Batiffol, Henry (2002) *Aspects philosophiques du droit international privé*, Edition Dalloz, Paris.

Batiffol, Henry, Lagarde, Pierre (1993) *Droit international privé, T. 1*, LGDJ, Paris.

Baytin, Mikhail I. (2001) *Essence of Law (Contemporary Normative Understanding of Law at the Edge of Two Centuries)*, SGAP, Saratov (in Russian).

Beitz, Charles R. (1999) *Political Theory and International Relations*, Princeton University Press, Princeton.

Besson, Samantha and Tasioulas, John, Eds. (2010) *The Philosophy of International Law*, Oxford University Press, Oxford.

Charney, Jonathan I. (1993) “Universal International Law”, *American Journal of International Law*, Vol. 87, pp. 529–551.

Chernichenko, Stanislav V. (2002) *Essays on Philosophy and International Law. Essay First. Ontology Issues*, Moscow (in Russian).

Chernichenko, Stanislav V. (2003) *Essays on Philosophy and International Law. Essay Second. Issues of Aesthetics and Ethics*, Moscow (in Russian).

Chernichenko, Stanislav V. (2004) *Essays on Philosophy and International Law. Essay Third. Issues of Gnoseology and Axiology*, Moscow (in Russian).

Chernichenko, Stanislav V. (2006) *Essays on Philosophy and International Law. Essay Fourth. Issues of Society, State and Law*, Moscow (in Russian).

Chernichenko, Stanislav V. (2008) *Essays on Philosophy and International Law. Essay Fifth. Philosophy of International Law*, Moscow (in Russian).

Chestnov Ilya L. et. al. (2004) *Law and Society: from Conflict to Consensus*, Spb (in Russian).

Gavrilov, Vyacheslav V. (2006) *International and Domestic Legal Systems: Concepts and Basic Vectors of Interplay, Dissertation Abstract*, Kazan (in Russian).

Ioffe, Olimpiad S. *Reflections on Law*, Astana, 2002 (in Russian).

- Ivashevsky, Stanislav L. (2007) "The Ideal Essence of Law: First Approach to the Problem", *Russian Law Journal*, Vol. 1 (2007), pp. 108–114 (in Russian).
- Kabatova, Elena V. (2000) "Changing the Role of the Collision Method in Private International Law", *Private International Law: Contemporary Practice*, TON – Ostozhye, Moscow (in Russian).
- Kalamkaryan, Ruben A. (2006) *Philosophy of International Law*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Kerimov, Dzagangir A. (ed) (1998) *The History of Philosophy of Law*, Spb (in Russian).
- Kuzmin, Eduard L. (2007 web) "International Law at the Cross-roads", *The International Affairs*, Vol. 8 (2007), URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1657> (in Russian).
- Leyst, Oleg E. (2002) *Essence of the Law*, Zertsalo-M, Moscow (in Russian).
- Maltsev, Gennady V. (1999) *Understanding of Law. Approaches and Problems*, Ptometey, Moscow (in Russian).
- Nersesyants, Vladik S. (1992) *Our Way towards Law: from Socializm to Civilizm*, Ros. Pravo, Moscow (in Russian).
- Nersesyants, Vladik S. (1997) *Philosophy of Law*, INFRA-M, Norma, Moscow (in Russian).
- Nersesyants, Vladik S. (ed.) (2004) *The Problems of General Theory of Law and State* (Textbook for Law High School Students), Norma, Moscow (in Russian).
- Plekhanov, Vadim V. (2010) *The History of Americans*. Review of the Book by S. Simeonides "The American Choice-of-Law Revolution: Past, Present and Future", *Civil Law Review*, Vol. 10, No. 1, pp. 298–311 (in Russian).
- Radbruch, Gustav (1999) *Rechtsphilosophie*, C.F. Müller Verlag, Hiithig GmbH, Heidelberg (Russian translation).
- Simma, Bruno (1994) "From Bilateralism to Community Interest in International Law", *Recueil des Cours*, T. 250, Hague, pp. 217–384.
- Semyakin, Mikhail N. (2013) "Philosophical Reflection of Civil (Private) Law: Continuation of Previous Traditions or New Civilist's Concept?", *Russian Juridical Journal*, Vol. 1 (2013), pp. 56–65 (in Russian).
- Skorobogatov Andrey V. (2015) "Legal Understanding as Philosophical and Juridical Notion", *History of State and Law*, Vol. 7 (2015), pp. 9–13 (in Russian).
- Shulakov, Andrey A. "Consequential Method in Private International Law", *Actual Problems of Russian Law*, Vol. 1 (2014), pp. 100–108 (in Russian).
- Symeonides, Symeon C. (2006) *The American Choice_of_Law Revolution: Past, Present and Future*, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden, Boston.
- Symeonides, Symeon C. (2009) "The Conflicts Book of the Louisiana Civil Code: Civilian, American, or Original?", *Tulane Law Review*, Vol. 83, pp. 1041–1077.
- Tesón Fernando R. (1998) *A Philosophy of International Law*, Westview Press, Boulder.
- Tesón Fernando R. (2005) *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*, Transnational Publishers, Ardsley, NY.
- Tetley, William. A. (1999) "Canadian Looks at American Conflict of Law Theory and Practice, Especially in the Light of the American Legal and Social Systems (Corrective vs. Distributive Justice)", *Columbia Journal of Transnational Law*, Vol. 35, No. 2, pp. 299–373.
- Tolstykh, Vladislav L. (2004) *Private International Law: Conflict of laws*, Yuridicheskiy Tsentr Press, Spb (in Russian).
- Tolstykh, Vladislav L. (2006) *The Rules of Foreign Law in the Private International Law of Russian Federation* (in Russian).
- Tomuschat, Christian (1993) "Obligations Arising for States Without or Against Their Will", *Recueil des Cours*, Vol. 241, pp. 195–374.
- Velyaminov, Georgy M. (2015) *International Law: Essays*, Statut, Moscow (in Russian).
- Zhiltsov, Alexei N. (1998) *Applicable Law in International Commercial Arbitration (Mandatory Rules)*, Moscow (in Russian).
- Zhiltsov, Alexei N., Muranov, Alexander I., Eds. (2001) *Private International Law: Foreign Legislation*, Statut, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

АНУФРИЕВА Людмила Петровна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Author's Information

ANUFRIEVA Liudmila P. – DSc in Law, Professor of the International Law Department at Kutafin Moscow State University of Law (MSAL).